

Константы и переменные в восприятии политических рисков международным бизнесом в 2010–2020-е годы¹

В.И. Бартенев, А.Е. Мендагазиев

Бартенев Владимир Игоревич — к.и.н., ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; vbartenev@hse.ru; ORCID: 0000-0001-9804-0630

Мендагазиев Арман Еркинович — стажер-исследователь Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; amendagaziev@hse.ru; ORCID: 0009-0000-6920-2426

Аннотация

Около десяти лет назад мировое сообщество осознало, что прогресс в обеспечении устойчивого развития во многом зависит от мобилизации ресурсов частного сектора. Однако бизнес пока не готов взять на себя основную роль — особенно в проблемных юрисдикциях — в том числе из-за повышенных политических рисков.

Цель статьи — выявить константы и переменные в восприятии деловыми кругами политических рисков в 2010–2020-е годы с опорой на материалы серийных докладов, обобщающих результаты ежегодных опросов представителей бизнес-сообщества. В роли ключевых источников выступают прошедшие строгий отбор доклады «Барометр рисков» от страховой компании Allianz и доклады «Как ведущие компании управляют актуальными политическими рисками», которые консалтинговое агентство Oxford Analytica готовит по заказу страховой компании Willis, Tower & Watson (WTW).

Статья состоит из трех разделов. Первый раздел посвящен выявлению долговременных паттернов и трендов, проявивших себя в 2010-е годы, второй и третий — анализу воздействия на них пандемии COVID-19 и ускорения глобальной турбулентности на фоне начала Россией специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г.

В ходе исследования подтверждена гипотеза о наличии определенных констант в восприятии бизнесом политических рисков, несмотря на постоянные изменения в их географии. В качестве устойчивых и одновременно парадоксальных особенностей восприятия определены: 1) явная недооценка политических рисков в сравнении с другими категориями; 2) деприоритизация рисков «экстралегального» происхождения и межгосударственных конфликтов по отношению к «легально-правительственным» рискам, не связанным с применением вооруженного насилия; 3) слабая способность бизнеса предугадывать наиболее значимые политические риски любого типа. К слову этих паттернов не привели ни пандемия COVID-19, ни эскалация конфликта вокруг Украины и ее последствия. Объяснение этому можно искать как в сохраняющемся дефиците внутрикорпоративных компетенций в области политических рисков и недостаточном привлечении внешней экспертизы, так и в преобладании в пуле респондентов представителей развитых стран. Повышение качества управления политическими рисками и востребованности специализированных инструментов страхования со временем может повысить эффективность мобилизации частного капитала на цели развития. В то же время в условиях обострения межгосударственного соперничества

¹ Статья поступила в редакцию 09.11.2023.

более выраженная склонность компаний из конкурирующих держав к инвестициям в высокорисковые юрисдикции будет создавать дополнительные узлы напряженности в странах Глобального Юга — так же как и увеличение объемов официального финансирования международного развития.

Отдельно обозначены варианты масштабирования фундаментальных и прикладных исследований политических рисков (в том числе в их взаимосвязи с политикой содействия международному развитию) с использованием опросов представителей бизнеса для получения значимых для российской внешней и внешнеэкономической политики результатов.

Ключевые слова: политические риски, международный бизнес, финансирование развития, опрос, политическое насилие, конфликты, пандемия

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01060, <https://rscf.ru/project/23-28-01060/>.

Для цитирования: Бартенев В.И., Мендагазиев А.Е. Константы и переменные в восприятии политических рисков международным бизнесом в 2010–2020-е годы // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. Т. 19. № 1. С. 55–84 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2024-01-03

Введение

Около десяти лет назад в мировом сообществе сложился консенсус относительно того, что ощутимого прогресса в обеспечении устойчивого развития можно добиться лишь при условии резкого увеличения объемов финансирования за счет мобилизации ресурсов частного сектора. Однако воплотить в жизнь девиз «от миллиардов к триллионам» оказалось не так просто. Бизнес пока не проявил готовности взять на себя основную роль, особенно в проблемных юрисдикциях. Это снижает шансы на реализацию Целей устойчивого развития, по перспективам которых шоки последних лет и так нанесли ощутимый удар [Lagionova, 2020]. Одна из часто называемых причин такой осторожности деловых кругов — заметно диверсифицировавшиеся еще в 2010-е годы [Nechkin, 2018; Bordovskikh, 2020; 2022] политические риски — как «экстралегального», так и «легально-правительственного» происхождения (если применять термины, предложенные в свое время Ч. Кеннеди [Kennedy, 1987])².

Интерес к анализу политических рисков непрерывно растет. Отражением этого процесса стала пролиферация профильных консалтинговых агентств (PRS Group, AON, Control Risks, Verisk Maplecroft, Eurasia Group и др.); часть из них сегодня начинают внедрять в том числе и методы интеллектуального анализа данных (см. продукты Marsh McLennan, GeoQuant и др.). Создаваемые такими организациями аналитические продукты, в том числе индексы [Bratersky, 2010, p. 137–144], обильно цитируются в научной литературе. Оценки же самих представителей деловых кругов, равно как и способность компаний разного размера и специализации вовремя распознавать сигналы, исходящие из международной среды, становятся предметом научного анализа крайне редко, несмотря на наличие большого числа подходящих для исследования данной проблематики источников. Для этих целей могут привлекаться корпоративные отчеты самих субъектов (внешне)экономической деятельности, стенограммы выступлений их

² Риски «легально-правительственного» происхождения представляют собой ограничительные (по отношению к международному бизнесу) решения, принимаемые государственными структурами. Риски же «экстралегального» происхождения генерируются преимущественно негосударственными акторами и связаны с реализацией имеющегося в обществе конфликтного потенциала в той или иной форме.

руководителей на различных публичных мероприятиях, интервью средствам массовой информации и т.д. Но совершенно особой ценностью обладают данные регулярных опросов предпринимателей (в том числе топ-менеджеров), чаще всего обобщаемые в рамках серийных аналитических докладов.

Цель статьи — обозначить константы и переменные в восприятии политических рисков деловыми кругами в 2010–2020-е годы, опираясь на данные ряда наиболее репрезентативных серийных опросов представителей бизнес-сообщества. Заявленная цель достигается посредством последовательного решения трех задач:

- выявить долговременные паттерны и тренды в восприятии данного типа рисков, проявившие себя в 2010-е годы;
- определить характер воздействия пандемии COVID-19 на эти паттерны;
- оценить влияние эскалации украинского конфликта и его последствий на представления предпринимателей о рисках ускорения глобальной турбулентности.

Наша рабочая гипотеза состоит в том, что в восприятии бизнесом политических рисков, несмотря на всю изменчивость карты рисков, можно обнаружить определенные паттерны («константы») — весьма устойчивые к любым, даже самым неожиданным потрясениям, которым подвергается международная система.

Достижение заявленной цели и верификация рабочей гипотезы будут осуществляться главным образом посредством анализа рядов числовых данных, сформированных нами на основе опросов, а также через изучение текстовой части соответствующих докладов. Для объяснения выявленных трендов и закономерностей мы используем преимущественно логико-интуитивные методы.

В качестве источников мы взяли доклады «Барометр рисков» (“Risk Barometer”) от страховой компании Allianz за 2012–2024 гг.³ [Allianz Global Corporate & Specialty SE, n.d.] и составляемые консалтинговым агентством Oxford Analytica по заказу страховой компании Willis, Tower & Watson (WTW) доклады «Как ведущие компании управляют актуальными политическими рисками» (“How are global businesses managing today’s political risks?”) за 2017–2023 гг. [Oxford Analytica, n.d.]. Эти материалы были выбраны нами из более чем десятка серийных и иррегулярных докладов, подготовленных по результатам опросов бизнесменов, пул организаторов которых отличался большим разнообразием (прил., табл. П1)⁴.

Два отобранных источника относятся к разным категориям исследований и поэтому прекрасно дополняют друг друга.

«*Барометр рисков*» от Allianz принадлежит к гораздо более распространенному типу докладов, которые позволяют определить место политических рисков в общей иерархии рисков, значимых для бизнеса. Его составитель — одна из ведущих глобальных компаний в области страхования, которая управляет активами более чем 122 млн частных и корпоративных клиентов в 70 странах. Опрос проводился подразделением Allianz Global Corporate & Specialty SE (AGCS) ежегодно с 2012 г. среди корпоративных клиентов Allianz Group по всему миру (с привлечением брокеров, отраслевых специалистов), а также консультантов в области риск-менеджмента и экспертов в сфере страхования, работающих в подразделениях самой компании).

³ Доклад 2024 г. был опубликован под брендом Allianz Commercial.

⁴ При этом нами осознанно не включались даже в широкую выборку опросы, основанные на качественно ином понимании риска: в частности, известные широкой общественности «Доклады о глобальных рисках», выпускаемые Всемирным экономическим форумом и содержащие с 2022 г. также результаты опроса более чем 12 тыс. представителей компаний из более чем 120 стран [World Economic Forum, n.d.], поскольку респонденты осуществляли выбор из закрытого списка рисков топ-5 для их страны, а не для их бизнеса.

При выборе «Барометра» мы руководствовались комплексом соображений. Во-первых, данный опрос отличает наибольшая широта экспертного пула с точки зрения числа респондентов, странового и секторального охвата (и одновременно достаточно большая продолжительность выхода (см. табл. П1). В то же время стоит сразу отметить явную «перепредставленность» респондентов из Европы и Западного полушария, на которые в среднем приходится около 2/3 от общего числа опрашиваемых⁵, а также ограниченность состава стран Азии, Африки и Ближнего Востока, представленных значимым числом респондентов, — этот фактор мы будем учитывать на всех стадиях нашего исследования. Во-вторых, в опросах Allianz собрана информация о различиях в восприятии рисков в зависимости от того, к какому региону, стране, сектору и категории (по объему капитализации) относится компания, которую представляет тот или иной респондент.

Доклады Oxford Analytica для WTW, в свою очередь, принадлежат к крайне узкой когорте исследований, посвященных непосредственно политическим рискам, и были выбраны, по сути, на безальтернативной основе (относящиеся к этой категории опросы, проводившиеся МИГА в партнерстве с Economist Intelligence Unit, носили первопроходческий характер, но прекратили выходить в 2013 г. [MIGA, 2014], и поэтому не подходят для решения поставленных задач). Данный аналитический продукт выпускается консалтинговым агентством Oxford Analytica по заказу одной из ведущих страховых компаний WTW с 2017 г. Изначально в качестве респондентов в опросах принимали участие представители лишь нескольких десятков крупных компаний — клиентов обеих организаций, из которых часть отвечала на закрытые вопросы, а другая часть опрашивалась подробно в ходе панельного интервью. В 2023 г. выборка респондентов стала более репрезентативной в плане регионального и отраслевого охвата и размера компаний.

Доклады Oxford Analytica для WTW, концентрирующиеся исключительно на политических рисках, с нашей точки зрения, прекрасно дополняют «Барометр рисков» от Allianz. С одной стороны, они содержат куда более детализированную типологизацию именно политических рисков, с другой — предоставляют важные сведения для понимания реального влияния политических рисков на бизнес, включая оценку фактических потерь из-за их реализации, в том числе в страновом разрезе. Их привлечение позволит дополнить описание ландшафта рисков важными элементами.

Новизна нашего исследования будет определяться как характером поставленных задач и выдвинутой гипотезой, так и особенностями источниковой базы. Опросы бизнеса о рисках — источник, ценность которого пока еще не раскрыта в полной мере. Ссылки на такого рода материалы время от времени встречаются в работах как зарубежных (например [Gatzert, Reichel, 2022; Fathi, 2022; Beasley, Branson, Pagach, 2023] и др.), так и отечественных ученых [Goryushina, 2017; Shilkina, Varakina, 2019; Nebolsina, 2021; Cenina, 2021; Belozyorov, Sokolovskaya, 2023], но привлекаются такие доклады по большей части очень ограниченно (главным образом для иллюстрации усиления внимания к отдельным рискам) и не сопровождаются критикой источника, анализом

⁵ Так, в опросе 2022 г. в топ-5 стран по числу респондентов вошли США, Германия, Великобритания, Румыния (!) и ЮАР, при этом на две ключевые западные страны — США (292 респондентов) и Германию (384 респондентов) — пришлось соответственно 63 и 30% от релевантного регионального пула, и в совокупности — почти 25% от общего числа респондентов [AGCS, 2023b]. В последнем опросе 2023 г. топ-5 по числу респондентов выглядит следующим образом: Германия (454), США (252), ЮАР (179), Испания (141), Великобритания/Индия (141) [Allianz Commercial, 2024b]. При этом 6-е место оба года занимал Китай (единственная страна, помимо вышеперечисленных, представленная более чем 100 респондентами).

особенностей формирования экспертного пула, методологии проведения опросов и т.д. Есть и значимые исключения — как в России [Goryushina, 2017], так и за рубежом [Beasley, Branson, Pagach, 2023], — но их «инаковость» еще четче подчеркивает общее состояние библиографического комплекса. Вместе с тем наше исследование будет существенно отличаться и от этих двух работ.

По сравнению с Е.М. Горюшиной [Goryushina, 2017] мы будем концентрироваться в первую очередь на анализе *результатов* опросов (и лишь опосредованно — на методологии их проведения), охватывать существенно более широкий временной диапазон (2010–2020 гг. vs 2013–2017 гг. в ее статье) и привлекать иные источники. С другой стороны, в отличие от коллектива ученых Университета Северной Каролины [Beasley, Branson, Pagach, 2023]), аффилированных с «Инициативой управления рисками предприятия» (“Enterprise Risk Management Initiative”) и опирающихся на результаты проводимых с 2013 г. в партнерстве с консалтинговой компанией Protiviti опросов, мы будем фокусироваться именно на *политических* рисках и решать поставленную задачу на совершенно иной документальной основе.

Статья состоит из трех разделов, каждый из них посвящен решению одной из поставленных выше задач. В Заключении обобщены основные выводы, сделанные по результатам проведенного анализа, произведена верификация рабочей гипотезы, а также сформулированы некоторые предложения по направлениям дальнейших теоретических и прикладных исследований с использованием выбранного типа источников.

Паттерны и тренды 2010-х годов

Для выявления многолетних паттернов в восприятии бизнесом политических рисков из двух отобранных нами серийных докладов больше подходит «Барометр рисков» от Allianz в силу существенно большей продолжительности выхода в свет.

Организаторы опросов Allianz оперируют собственными категориями рисков, не полностью соответствующими выбранным нами типам. Так, например, категория «изменения в законодательстве и регулировании» лишь частично покрывает «легально-правительственные» риски. Межгосударственные конфликты, также подразумевающие принятие решений о применении силы органами государственной власти, составители включают в состав категории «политические риски и насилие», куда помимо этого входят и все традиционные «экстралегальные» риски. Содержание докладов «Барометр рисков» позволяет определить место политических рисков в их общей иерархии (с учетом доли респондентов, включивших их в свой личный топ-3) и зафиксировать значимые изменения их положения в рейтинге с течением времени.

Анализ сводных числовых данных по двум интересующим нас макрокатегориям рисков (прил., табл. П2) позволяет выявить следующие ключевые моменты:

1. Политическим рискам отводится периферийное место — в 2010-е годы ни одна из двух категорий не пробивалась даже в первую тройку рейтинга, не говоря уже о том, чтобы возглавить его (в отличие от многих других неполитических рисков, например киберинцидентов или сбоев в бизнес-процессах (в том числе из-за срыва поставок).

2. «Легально-правительственные» риски регуляторного плана неизменно занимали гораздо более высокие места в иерархии, нежели «экстралегальные» риски и межгосударственные конфликты, которые в опросах 2012–2013 гг.⁶ даже оказывались за пределами топ-10. При этом в случае с рисками первого типа разброс показателей был

⁶ Опросы «Барометр рисков» от Allianz ежегодно проводятся осенью, а доклады, обобщающие их результаты, публикуются в начале следующего (прогнозного) календарного года. Здесь и далее по

крайне небольшим – они преимущественно занимали 4–5-е места, уступая лишь узкому числу рисков – киберинцидентам, сбоям в бизнес-процессах, изменениям на рынке и стихийным бедствиям. В случае же с рисками второго типа разброс между самым низким (18-е место в опросе 2013 г.) и самым высоким значениями (8-е место в опросе 2016 г.), напротив, был одним из самых значительных. В разные годы они вытеснялись из топ-10 такими пунктами, как «воровство, мошенничество и коррупция», «ухудшение репутации или снижение стоимости бренда», «применение новейших технологий» и «изменение климата».

Оба паттерна не являются следствием характерных для «Барометра рисков» диспропорций в распределении респондентов между основными регионами, поскольку проявляли себя почти повсеместно (прил., табл. П3).

При этом важно обратить внимание и на некоторые отличия. Так, к примеру, в ответах респондентов из западных стран политическим рискам придавалось мало значения. Респонденты из Западного полушария в 2010-е годы вообще ни разу не включали «экстралегальные» риски и межгосударственные конфликты в топ-10. Не очень жаловали их и европейские, и азиатские эксперты (три попадания в топ-10 за десятилетие – в 2014–2015 гг.), в отличие от представителей компаний из самого конфликтного региона – Африки и Ближнего Востока, которые котировали их весьма высоко почти постоянно. При этом регион Африки и Ближнего Востока оказался единственным, где в отдельные годы риски, связанные с политическим насилием, попадали в топ-5 и даже в топ-3 (2018–2019 гг.) и обретали большее значение, нежели «легально-правительственные» риски. Теоретически деприоритизация соответствующей категории рисков представителями бизнес-сообщества из европейских и азиатских стран может иметь и еще одно объяснение. Отнюдь не все респонденты могут представлять компании, присутствующие на внешних рынках, а даже те, кто работает в транснациональных компаниях, оценивая такие риски, могут в первую очередь давать оценку тому, что происходит непосредственно в странах их присутствия, а не в мире в целом. Показательны и определенные региональные различия в динамике восприятия бизнесом отдельных рисков, проявившие себя в 2010-е годы. Так, например, представители компаний из европейских, азиатских и африканских стран (и обслуживающие их интересы брокеры) явно ощущали усиление невоенных рисков «легально-правительственного» происхождения – это особенно было заметно в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), что, как нам кажется, имеет смысл увязывать с усилением давления США на Китай. Однако в Западной полушарии схожего тренда не наблюдалось – риски данной категории большую часть времени находились на одном уровне, занимая 5–6-е места. Об изменениях в восприятии «экстралегальных» рисков и межгосударственных конфликтов можно говорить лишь применительно к региону Африки и Ближнего Востока, где вплоть до 2019 г. отмечался рост их значимости.

При этом, если посмотреть на наиболее влиятельные страны мира (члены «Группы двадцати»), то случаев прорыва политических рисков на верхние позиции рейтинга (1–2-е места) в оценках представителей компаний, ведущих в них бизнес, крайне мало. За десятилетие это происходило лишь с невоенными рисками «легально-правительственного» характера – и в течение краткого времени – в ответах представителей компаний, работающих в Великобритании (сразу после Брекзита, в 2017–2019 гг.), Австралии (в 2018–2019 гг.) и России (в 2015 и 2018–2019 гг.). Среди развитых стран, где бизнес в 2010-е годы воспринимал «экстралегальные» риски и межгосударствен-

тексту статьи указываются годы проведения опросов, а во внутритекстовых ссылках – годы публикации докладов.

ные конфликты всерьез, можно назвать лишь Великобританию, Францию и Японию. В других эти риски чаще всего не попадали даже в топ-10. В рейтингах, составленных на основе опросов представителей компаний, работающих в странах Глобального Юга (Аргентине, Бразилии, Индии, Турции, ЮАР), эта категория рисков встречалась гораздо чаще, но не на первых местах рейтинга (кроме Турции).

Два выявленных паттерна нашли отражение и в оценках, представленных в текстовой части докладов. Эти оценки, по нашему мнению, не являются «изобретением» составителей, но отражают настроения представителей бизнеса, с которыми страховая компания AGCS взаимодействует на постоянной основе.

Прекрасной иллюстрацией деприоритизации «экстралегальных» рисков может быть, например, доклад 2011 г., составленный в год «Арабского пробуждения». Хотя череда революций в арабском мире перекроила карту огромного и крайне значимого в геополитическом и геоэкономическом плане региона, в тексте отчета эти события не были упомянуты вовсе. Весь сегмент о политических рисках был посвящен классическим рискам «легально-правительственного» происхождения, связанным преимущественно с изменением регуляторного климата и ростом протекционизма [Allianz, 2012, р. 3–4], а из регионов в нем упоминались лишь Европа и АТР. Это нельзя назвать разовой аберрацией – на следующий год упоминания в текстовой части отчета также заслужили только регуляторные изменения в секторе возобновляемой энергетики, фармацевтике и химической промышленности [AGCS, 2013, р. 6]. Можно лишь удивляться внезапному решению составителей упомянуть «Арабское пробуждение» в докладе 2013 г., при этом акцент они сделали на том, что опасения относительно «долгосрочности его влияния» отходят на второй план, из-за чего «экстралегальные» риски переместились на рекордно низкое (18-е!) место [AGCS, 2014, р. 6].

Зная последующее развитие событий – произошедший летом 2014 г. захват огромных территорий в Сирии и Ираке «Исламским государством Ирака и Леванта»⁷, – которому на верность присягнуло множество группировок в удаленных от Междуречья регионах, можно утверждать, что клиенты Allianz, выступавшие в роли респондентов, оказались не слишком прозорливы. Более того, сконцентрировавшись на рисках для еврозоны, мошенничестве и киберрисках, они не увидели и никаких рисков, которые бы исходили из постсоветского пространства, и только на следующий год – уже на фоне взорвавшего регион «украинского кризиса», а также событий в Гонконге и Таиланде [AGCS, 2015, р. 8] и их последствий – политические риски «экстралегального» происхождения и межгосударственные конфликты вернулись в топ-10, поднявшись сразу на девять позиций.

Словно в оправдание за пренебрежение данным типом рисков, в докладе 2015 г. раздел по политическим рискам уже почти полностью был посвящен именно ему. В частности, речь шла о необходимости мониторинга ситуации в области безопасности и разработки планов действий под различные сценарии. Подчеркивалось, что отнюдь не все компании на тот момент имели такого рода планы, но стали больше привлекать консалтинговые фирмы, специализирующиеся на анализе кризисов и рисков и опирающиеся в том числе на мнения местных экспертов в области безопасности [Allianz, 2016, р. 5].

Во второй половине 2010-х годов «экстралегальные» риски – терроризм и политический активизм – неизменно упоминались в текстовой части докладов Allianz, но занимали в них, скорее, периферийное место. На первый же план вышли риски, связанные с ростом протекционизма и другими регуляторными изменениями на фоне

⁷ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации.

Брежита и прихода к власти в США Д. Трампа, чья торговая политика оказала многомерное влияние на мировую экономику, усилив деглобализационные тенденции. В то же время показательно, что военно-стратегическая компонента нарастания геополитических противоречий как фактор провоцирования конфликтов и кризисов не фиксировалась составителями отчета. Важно и то, что еще в 2019 г., то есть до пандемии COVID-19, чуть ли не главный фокус, наряду с ростом американо-китайского соперничества, изменениями торговой политики ЕС и ESG-повесткой⁸, оказался направлен на рост протестной активности в разных точках земного шара: Латинской Америке (Боливии, Колумбии, Чили), Европе (Франции) и АТР (Гонконге).

Схожая картина наблюдалась и в секторальном разрезе. За три допандемийных года можно назвать лишь один сектор — гостиничный бизнес, — чьи представители включали «экстралегальные» риски и межгосударственные конфликты в топ-5. Более того, деприоритизация такого рода рисков была характерна для всех типов компаний — крупных, средних и мелких — на всем протяжении выхода соответствующих отчетов.

И тут самое время задаться вопросом — находят ли выявленные нами закономерности — деприоритизация «экстралегальных» рисков и межгосударственных конфликтов и низкая степень способности представителей бизнеса и обслуживающих их интересы крупнейших страховых компаний предугадывать знаковые изменения в рисковом ландшафте — подтверждение и в опросах Oxford Analytica для WTW, посвященных, напомним, исключительно политическим рискам? Достаточно беглого взгляда на составленную на основе этих опросов таблицу с изменениями в топ-10 рисков (прил., табл. П4), чтобы увидеть два схожих паттерна:

1. В 2010-е годы в ней однозначно доминировали риски «легально-правительственного» происхождения: на них приходилось 7–8 мест из 10. В числе конкретных факторов «экстралегальных» рисков и межгосударственных конфликтов, попадавших в рейтинг, можно отметить разве что «региональные противоречия на Ближнем Востоке», «обеспечение преемственности власти в Центральной Азии», «миграционный кризис», а также «нестабильность в Южной Азии».

2. Большинство попадавших на радары экспертов рисков так или иначе связаны с политикой развитых, а не развивающихся стран, в первую очередь США, а также государств ЕС. При этом в фокусе в 2010-е годы оказывались действия США на международной арене — это и «торговые войны» Д. Трампа, и санкционная политика, и американо-китайское стратегическое соперничество, которое вышло в топ рейтинга Oxford Analytica еще до пандемии.

О перекосе в сторону невоенных рисков «легально-правительственного» происхождения, характерных в большей степени для развитых стран, говорит и прорыв в топ рейтинга рисков, «связанных с ESG-повесткой», который также произошел еще до пандемии (4-е место в опросе, проведенном осенью 2019 г.).

Доклады Oxford Analytica для WTW ценны еще и тем, что позволяют соотнести оценку потенциальной значимости рисков с масштабом фактически понесенных потерь от их реализации. В используемом составителями опросном листе представлены обе интересующие нас категории рисков, но степень их дезагрегации неодинакова. Невоенные «легально-правительственные» риски представлены сразу четырьмя «строчками» (суверенный дефолт или разрыв контракта, («ползучая») экспроприация, торговые санкции или эмбарго на импорт/экспорт, ограничения на вывод валюты или полный запрет на ее конвертацию), тогда как все «экстралегальные» риски и межгосу-

⁸ ESG — Environmental, Social and Corporate Governance — экологическое, социальное и корпоративное управление.

дарственные конфликты объединены в одну — «политическое насилие или враждебные действия» (прил., табл. П5).

В предпандемийные годы риски второй категории не раз попадали на верхние позиции в рейтинге в качестве ключевых причин финансовых потерь, что резко контрастирует с данными, которые содержатся в докладах Allianz. Это, как нам представляется, указывает на явную недооценку бизнесом политических рисков «экстралегального» происхождения и эскалации межгосударственных конфликтов. Отводя им периферийное место, деловые круги раз за разом несут существенные потери в результате их реализации (причем даже в тех случаях, если речь не идет о работе компании непосредственно на тех внешних рынках, где реализуются соответствующие риски). Эта парадоксальная закономерность в полной мере проявила себя и в 2020-е годы.

Влияние пандемии COVID-19

Для международного бизнеса вспышка коронавируса SARS-CoV-2 стала явной неожиданностью — такого рода угрозу деловой мир в 2010-е годы очевидно не воспринимал всерьез. В том же «Барометре рисков» от Allianz риски вспышки эпидемий глобального масштаба не поднимались в рейтинге выше 16-го места, а в первой половине 2010-х годов и вовсе находились в третьем десятке, зато в 2020 г. сразу взлетели на 2-е место (см. табл. П2). Начало пандемии, в свою очередь, повлекло за собой актуализацию рисков разрыва цепочек поставок, которые сместили киберриски с 1-го места, занятого ими чуть ранее, а также повысило значимость макроэкономических вызовов (что было полностью закономерно на фоне начала коронакризиса, поразившего всех своей глубиной).

Однако резких изменений в восприятии политических рисков по сравнению с 2010-ми годами в пандемийные годы (2020–2021 гг.) не наблюдалось. Их место в иерархии осталось прежним — периферийным. Сохранилась и стала еще более заметной приоритизация невоенных «легально-правительственных» рисков по отношению к «экстралегальным» и рискам эскалации международных конфликтов.

В 2020 г., однако, всплеск протестной активности на фоне локдаунов в западных странах заслужил отдельного упоминания в тексте соответствующего доклада [AGCS, 2021, p. 25]. Более того, его составители ожидали, что проявления общественного недовольства, а также сепаратизм и национализм станут играть ключевую роль в будущем. Отмечались ужесточение подходов к приему беженцев, деприоритизация политики содействия международному развитию (СМР), а также усиление угрозы долговых кризисов, которые как раз и могли спровоцировать рост сепаратизма, национализма, религиозного экстремизма и ксенофобии [Ibid.].

Тем не менее в 2021 г., по мере адаптации к пандемическим реалиям, все упомянутые риски выпали из поля зрения составителей доклада — акцент был перенесен на регулирование трансграничного обмена данными, новации в европейском регулировании зеленых технологий и др. Все геополитические риски были сведены ими к усилению американо-китайского соперничества, «отравляющего все виды экономической активности, от торговли до технологического сотрудничества и инвестиций» [Ibid.].

Стоит обратить внимание и на разнонаправленность изменений в восприятии респондентов из разных регионов. Так, например, в ответах бизнесменов из всех регионов, кроме АТР, «легально-правительственные» риски регуляторного плана оказались на более низких позициях — их вытеснили более насущные риски кибербезопасности, срыва поставок, макроэкономические сложности и т.п. В случае же с АТР они воз-

росли, главным образом из-за изменения в восприятии лучше всего представленных в пуле респондентов из Китая, которые стали ставить этот риск на 1–2-е места (см. табл. ПЗ). Это, впрочем, с нашей точки зрения, объяснялось не только влиянием пандемии, сильно затронувшей КНР, но и усилением американо-китайского соперничества, которое продолжилось и после смены власти в Вашингтоне и прихода демократов во главе с Дж. Байденом.

В отношении же «экстралегальных» рисков и угроз эскалации межгосударственных конфликтов в трех регионах — Европе, АТР и Западном полушарии — изменений не произошло. Они по-прежнему оставались вне топ-10, что предопределялось позицией тех стран, где базировалось диспропорционально большое число респондентов — США, Германии, Великобритании. Что касается Африки и Ближнего Востока, то риски данного типа взлетели с 9-го места сразу в топ-5, что можно объяснить в том числе и усилением протестного потенциала в обществах в условиях коронакризиса (см. табл. ПЗ).

Куда более нюансированную оценку влияния пандемии на восприятие политических рисков представителями бизнес-сообщества можно сформировать на основе опросов Oxford Analytica для WTW.

Прежде всего в ответах появились новые, специфические риски — «политические афтершоки пандемии COVID-19» (опросы 2021 и 2022 гг.) и «пандемические долги» (опрос 2022 г.). В первом случае речь шла о риске «экстралегального» происхождения — проявлениях внутренней дестабилизации, спровоцированных пандемией. Второй риск — «пандемические долги» — в перечне появился только в 2022 г., но бизнес осознал актуализацию долговой проблемы уже в 2021 г. Если в 2018–2019 гг. риск суверенных дефолтов и фискальных кризисов упоминали буквально 1–2 респондента, то в условиях пандемии их число возросло — при этом только в 2020 г. дефолты объявили пять стран — больше, чем в период глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. [Oxford Analytica, 2022, p. 8].

На первый взгляд, оба «пандемических» риска исчезли так же быстро, как появились. В докладе 2023 г. «долговой кризис» в развивающихся странах» был уже включен в специальную «резервную» категорию под условным названием «вне поля зрения» (“below the radar”), куда включаются риски, которые в данный момент не являются приоритетными, но могут резко стать таковыми. Такой выбор в отношении долговой проблемы представляется странным, учитывая, что она продолжает усугубляться — в том числе из-за действий, предпринятых правительствами развитых и развивающихся стран в условиях пандемии.

Особый интерес представляют результаты оценки долгосрочного влияния пандемии на выбранные составителями опроса семь «геополитических трендов», представленные в опросе 2022 г. (прил., табл. П6).

Составители опроса выстраивают эффекты пандемии в иерархическом порядке, суммируя показатели долей экспертов, выбравших два варианта ответа: «усиление» и «значительное усиление». При таком ранжировании три первые строчки заняли достаточно близкие по смыслу тренды: «интенсификация геостратегического соперничества (например, между США, Китаем и Россией)», «усиление экономического декаплинга между Китаем и Западом» и «усиление экономического национализма и деглобализация», из которых не один эксплицитно не связан с рисками «экстралегального» происхождения.

Следует обратить внимание и на постепенное осознание бизнесом того, что политические риски «легально-правительственного» происхождения не являются следствием деятельности конкретной администрации в США во главе с Д. Трампом, чей

приход к власти побудил WTW запустить данный проект), а носят системный характер. Буквально за пару лет предельно ясная формулировка «американо-китайское стратегическое соперничество» (рейтинг 2020 г.) постепенно превратилась в «противостояние Запада и Китая» (рейтинг 2021 г.), а чуть позже — в 2023 г. — в обезличенный «декаплинг с Китаем». При этом частный сектор стал видеть риски и в действиях США на международной арене, и в их внутреннем развитии (например, риски «кризис американской демократии» или «неопределенность в США»). Это, в нашем понимании, произошло вследствие резкого снижения стрессоустойчивости американской демократии, ярким проявлением которого стало оспаривание итогов президентских выборов 2020 г., завершившихся памятным штурмом Капитолия 6 января 2021 г.

Между тем тренды, генерирующие классические «экстралегальные» риски (см. табл. Пб, пп. 4–6), преимущественно располагаются во второй части рейтинга. Особо следует обратить внимание на тренд «усиление частоты и интенсивность протестов/беспорядков/социальных волнений». При том что почти 59% экспертов увидели его усиление (2-й результат), «значительное усиление» рассмотрели лишь 9% (последнее (8-е) место). Таким образом, никакого слома паттерна, наблюдавшегося в предпандемийные годы, не произошло.

Пожалуй, двумя ключевыми долговременными последствиями пандемии можно считать:

- 1) появление в рейтинге таких рисков, как «социальная нестабильность в развитых странах» и «расширение полномочий и сокращение финансовых возможностей правительств»;
- 2) почти полное исчезновение из списка специфических рисков, связанных с ситуацией в развивающихся регионах («конфликт на Ближнем Востоке», «нестабильность в Южной Азии», «фискальные кризисы на формирующихся рынках»);
- 3) определенные изменения в стратегиях управления политическими рисками: пусть и незначительное, но расширение доли представителей бизнеса, использующих инструменты страхования политических рисков (с 44% от общего числа респондентов в опросе 2019 г. до 48% в опросе 2021 г.) и сценарный метод их анализа (с 25% в опросе 2019 г. до 58% в опросе 2021 г.), а также более активное применение таких практик, как «выявление и упреждающий мониторинг геополитических процессов, способных иметь стратегический эффект» (с 64 до 71%) и «формальное включение геополитических рисков в стратегии управления рисками» (с 45 до 51%) уже в ходе пандемии (в опросах 2020 и 2021 гг.) [Oxford Analytica, 2022, p. 15].

Следует зафиксировать и изменения в списках стран, где компании респондентов понесли реальные потери (прил., табл. П7). Если до пандемии (опрос 2019 г.) этот список почти полностью состоял из развивающихся стран, в том числе стран, затронутых санкциями (Иран, Венесуэла, Зимбабве) или вооруженными конфликтами (Ливия), то уже в условиях пандемии в него стали попадать развитые страны (США, Великобритания, страны ЕС), а также другие крупные развивающиеся страны, которые отсутствовали в списке до пандемии, например Турция, Саудовская Аравия. Многократно сократилось представительство Африканского континента.

Принципиально важно и другое: как и в 2013 г., никаких намеков на осознание бизнесом (включая представителей транснациональных страховых компаний, обслуживающих его интересы) рисков, сопряженных с обострением противоречий на постсоветском пространстве, в докладах 2021–2022 гг. нами обнаружено не было. На этом фоне начало специальной военной операции на Украине стало подлинным стратеги-

ческим шоком для бизнеса, который, на первый взгляд, изменил его представления о значимости политических рисков как таковых и заставил пересмотреть стратегии управления ими.

Влияние эскалации украинского конфликта

Как и в случае с пандемией COVID-19, применительно к украинскому конфликту бизнес продемонстрировал почти полное отсутствие прогностических способностей. Многочисленные участники опросов Allianz и составители докладов, подготовленных на их основе, на протяжении многих лет так и не увидели необходимости учесть масштабные риски, связанные с ситуацией в западной части СНГ. Оказались неспособны предугадать главную зону турбулентности и респонденты опросов Oxford Analytica для WTW. Хотя в 2019 г. Украина была включена в число стран, из которых компании респондентов либо были вынуждены уйти из-за политических рисков (одно упоминание), либо отложили / не стали осуществлять новые инвестиции (одно упоминание), в топ-10 таких высокорисковых юрисдикций она не попала. В марте 2021 г. при описании риска под названием «нестабильность в России / странах СНГ» Украина вообще не была упомянута [Oxford Analytica, 2021, p. 10]. Следующий опрос проводился в конце 2021 г., уже в условиях зримого нарастания напряженности во взаимоотношениях между Россией и Западом вокруг Украины, но вышел в свет в скором времени после начала специальной военной операции. Единственный риск, затрагивающий постсоветское пространство (под названием «интервенционистские действия России»), занял в топ-10 последнее (!) место — его упомянули лишь пять экспертов. Более значимыми респондентам показались даже политические последствия изменения климата (этот вариант ответа выбрали шесть человек).

Такой парадоксальный недоучет, как оказалось, приоритетного риска потребовал от составителей подробных «оправданий» в докладе 2023 г. По сути, были названы две основные причины: 1) осознание бизнесом риска как такового, но сомнения в готовности России пойти на силовое решение; 2) низкая степень экспозиции компаний, представляемых респондентами, к конфликту из-за небольшой доли России в исходящих прямых иностранных инвестициях США (0,2%) и Европы (2,9%) [Oxford Analytica, 2022, p. 22–23], чьи компании преимущественно участвуют в опросе.

С нашей точки зрения, ни один из аргументов не представляется убедительным, особенно с учетом роли России в поставках ряда критических значимых ресурсов: энергоресурсов, цветных металлов, продовольственных товаров, удобрений и т.д. Как бы то ни было, вскоре опрашиваемые Oxford Analytica бизнесмены «реабилитировались»: в опросе 2023 г., опубликованном спустя год после начала СВО — в марте 2023 г., риск под названием «сложности, связанные с украинским конфликтом и его эскалацией» сразу возглавил рейтинг, сместив с первой строчки «декаплинг с Китаем».

Но интересно и другое — изменились ли представления бизнеса о политических рисках в целом после начала специальной военной операции на Украине и если да, то как именно?

Если проанализировать данные «Барометра рисков» от Allianz, место политических рисков в общей иерархии рисков кардинально не изменилось: «регуляторные» риски остались на 5-м месте, а «экстралегальные» риски и риски международных конфликтов — лишь вернулись в топ-10, где находились и в отдельные допандемийные годы, но на последнее (!) место.

Однако деприоритизация «экстралегальных» рисков и рисков эскалации межгосударственных конфликтов сменилась резким усилением их значимости, причем это было характерно для всех макрорегионов, кроме Африки и Ближнего Востока.

Лучше всего разворот тренда иллюстрирует проведение первого с запуска «Барометра» анкетирования, посвященного отдельно политическим рискам. Первое место в этом мини-рейтинге заняла война, обойдя все другие риски – кроме «смены правительства и регуляторных изменений», которые доминировали все годы до этого. Удержание невоенными «легально-правительственными» рисками такой высокой позиции (2-е место) можно легко объяснить наращиванием санкционного давления на Россию и КНР со стороны стран Запада, повышением вероятности введения новых регуляторных требований и сохранением возможности резких изменений политики в случае смены партийно-политической конфигурации (и в развитых, и в развивающихся странах).

Фокус же на войне составители доклада объясняют в первую очередь тем, что эскалация украинского конфликта привела к разгону инфляции, энергетическому кризису в Европе и стала причиной дефицита и волатильности цен на ключевые сырьевые товары – в том числе и из-за антироссийских санкций [AGCS, 2023a, p. 9, 33]. Отдельно один из функционеров Группы Allianz описал изменения следующим образом: «Украинский конфликт многим открыл глаза, продемонстрировав, как конфликт может стать причиной дефицита и повышения цен на сырьевые товары, позволив четче ощутить необходимость углубления понимания того, какие компоненты и материалы являются критически значимыми, где они добываются и как обеспечить доступ к ним» [Ibid., p. 9, 33].

По данным «Барометра рисков», сочетание эскалации конфликта вокруг Украины и последствий пандемии COVID-19 стало катализатором сразу нескольких значимых изменений в восприятии рисков для бизнеса:

- усиления волатильности в экономике и на финансовых рынках;
- возвращения макроэкономических рисков в топ-3 (на 3-м месте) – впервые с 2012 г.;
- усугубления риска возникновения энергетического кризиса, ранее никогда не фигурировавшего в рейтинге, а теперь занявшего в нем сразу 4-е место;
- отхода на второй план риска стихийных бедствий, потерявших сразу три позиции;
- повышения значимости классических рисков «экстралегального» происхождения, в том числе протестов (составители доклада допускали возможность выступлений, подобных движению Black Lives Matter в США или протестам в ЮАР, вспыхнувшим на фоне заключения под стражу бывшего президента Дж. Зумы в 2021 г.);
- повышения риска крупномасштабных кибератак;
- усиления обеспокоенности перспективой обострения конфликтов между другими государствами [Ibid., p. 11, 17, 18, 19, 32, 33].

Не менее интересную информацию можно извлечь и из докладов Oxford Analytica для WTW. Часть изменений выявляется самими составителями данных материалов, другая может быть выявлена аналитическим путем.

Во-первых, произошел драматический всплеск внимания к политическим рискам как таковым. Многие представители бизнеса назвали конфликт вокруг Украины «парадигмальным сдвигом», «водоразделом», а один из респондентов – представитель автомобильной промышленности – выразил ту же мысль следующим образом: «Бизнес и

политика ранее существовали в двух параллельных реальностях, но события прошлого года положили этому конец» [Oxford Analytica, 2023, p. 2]. По данным опроса, девять из десяти компаний сообщили о потерях, обусловленных именно политическими рисками (несколько лет назад о таких потерях сообщала только каждая третья компания) [Oxford Analytica, 2023, p. 2].

Во-вторых, эскалация конфликта вокруг Украины отнюдь не всеми представителями бизнеса была воспринята однозначно в негативном ключе, что предопределялось характером воздействия кризиса на финансовое положение конкретной компании. При преобладании отрицательных оценок (60%) нельзя не отметить, что каждый пятый представитель частного сектора в целом по миру отмечал получение финансовых выгод.

При этом дезагрегация данных по регионам размещения штаб-квартиры компании рисует более сложную картину: более всех пострадали от кризиса европейские и африканские компании, в то время как в других регионах Глобального Юга – Ближнем Востоке, Латинской Америке, АТР – не менее четверти респондентов отмечали извлечение финансовых выгод. Это объясняется существенной реструктуризацией торговых и инвестиционных потоков на фоне специальной военной операции и введения странами Запада масштабных санкций в отношении России. Еще больший интерес представляют данные по компаниям с головным офисом в Северной Америке (всего их было шесть), среди которых и вовсе оказалось больше бенефициаров, чем фирм, которые понесли потери (прил., табл. П9). В числе выгодоприобретателей – представители энергетического сектора, в том числе компании, специализирующиеся на поставках сжиженного природного газа, и сельского хозяйства, выигравшие от роста цен на соответствующих сегментах рынка. Это лишний раз подтверждает тезис о том, что главным бенефициаром эскалации на Украине стали именно США – они смогли воспользоваться ситуацией для укрепления своих позиций в Западной Европе, которая, напротив, проиграла от почти полного разрыва экономических связей с Россией.

В-третьих, бизнес продемонстрировал осознание того, что конфликт на Украине уже оказал и будет оказывать системное воздействие на другие политические риски. С одной стороны, это касается рисков глобального охвата, таких как усиление экономической фрагментации мира, которая во все большей степени воспринимается как неизбежность. Так, по словам руководителя одного европейского промышленного концерна, «глобальный декаплинг, до определенной степени ускоренный войной, означает, что нам уже пришлось или приходится сейчас «расстыковывать» все процессы, включая системы набора персонала, производственные процессы и т.п. Персональные данные, к примеру, больше не могут передаваться свободно за рубеж и храниться там». Другой его коллега сформулировал ту же мысль еще более емко: «Раньше мы работали как глобализированная компания, но новая реальность локальна» [Ibid., p. 11].

Представители бизнеса отмечают и другие эффекты. Так, в частности, из-за того, что многие европейские компании понесли многомиллиардные потери вследствие свертывания операций в России, для них резко повысилась значимость реализации ESG-повестки [Ibid., p. 23]. Отдельно стоит отметить рост важности «тайваньского вопроса» (в 2020–2021 гг. в опросах он фигурировал в ряду остальных применительно к АТР, но теперь стал рассматриваться отдельно). Наконец, косвенные последствия конфликта в лице повышения цен на нефть способствовали усугублению «долгового кризиса в развивающихся странах» [Ibid., p. 29].

В-четвертых, все опрошенные компании так или иначе усовершенствовали механизмы управления политическими рисками с февраля 2022 г. В частности, они стали чаще проводить регулярные обсуждения ключевых вопросов, таких как ситуация во-

круг Украины или Тайваня, а также использовать сценарный подход. Почти 54% респондентов отметили усовершенствование практик трансфера рисков. Доля респондентов, которые приобрели страховку от политических рисков, возросла с 25% в 2019 г. до 48% в 2022 г. и до 68% в 2023 г. (практически втрое по сравнению с 2019 г.) [Oxford Analytica, 2023, p. 2].

Однако важно и другое: при всей приоритетности рисков, связанных с конфликтом вокруг Украины, некоторые другие долговременные паттерны по-прежнему проявляют себя. Так, например, тот же «декаплинг» (вышедший в топ рейтинга Oxford Analytica еще до пандемии и удерживавший в нем первенство на всем ее протяжении) лишь совсем немного уступил (по числу выбравших его респондентов) «сложностям, связанным с украинским конфликтом и его эскалацией», что указывает как на долговременность тенденции к приоритизации данного риска, так и на его совокупный масштаб, определяемый не только высокой вероятностью, но и подлинно планетарным масштабом. Отчасти то же самое можно сказать и о рисках, «связанных с реализацией ESG-повестки» (5-е место в рейтинге Oxford Analytica на 2023 г.), значимых именно для западных стран.

Наряду с изменениями глобального уровня имеет смысл зафиксировать и определенные нюансы в восприятии политических рисков представителями компаний из различных секторов, тем более что доклады «Барометр рисков» от Allianz позволяют это сделать.

Во-первых, для большинства отраслей политические риски стали иметь значение: если в условиях пандемии отраслей, представители которых включали политические риски в топ-5, было всего четыре, то в 2022 г. их стало уже вдвое больше. Вместе с тем внимание к данному типу рисков тогда еще не стало повсеместным: их стали считать значимыми лишь в каждой второй отрасли. Это указывает на определенное запаздывание в осмыслении масштабов глобальных трансформаций бизнесом.

Во-вторых, представители абсолютного большинства отраслей продолжили придавать ключевое значение опять-таки преимущественно невоенным «легально-правительственным» рискам, в то время как политические риски «экстралегального» происхождения и риски эскалации межгосударственных конфликтов фигурировали в ответах только экспертов по авиационной, аэрокосмической отрасли и оборонно-промышленному комплексу (единственная отрасль, где соответствующий тип риска возглавляет рейтинг), консалтинге, а также в телекоммуникациях. Наличие в этом ряду сектора информационно-коммуникационных технологий, выделявшегося подробно и другими учеными [Beasley, Branson, Pagach, 2023], указывает на необходимость ее выбора для более предметного рассмотрения в дальнейшем.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о долговременности (устойчивости) обозначенных выше эффектов эскалации украинского конфликта. Ответить на него позволяет ознакомление с результатами опросов Allianz Commercial 2023 г., которые были представлены широкой общественности в середине января 2024 г. [Allianz Commercial, 2024a] и которые, с нашей точки зрения, также можно назвать в некотором роде парадоксальными.

На первый взгляд, наметился тренд к повышению значимости политических рисков обеих рассматриваемых категорий: «экстралегальные» риски поднялись сразу на две позиции, а показатель доли респондентов, включивших их в топ-3, повторил рекорд 2017 г. (14%, +3% по сравнению с показателем 2022 г.), а «легально-правительственные» риски переместились на четвертую строчку рейтинга (хотя доля респондентов, выбравших их, осталась той же — 19%). Количество отраслей, представители которых упомянули хотя бы одну из категорий политических рисков в топ-5, также выросло — до 11,

составив уже более 50% от общего списка секторов. В абсолютном большинстве случаев в ответах, впрочем, вновь фигурировали «легально-правительственные», а не «экстралегальные» риски, которые были названы только представителями трех секторов (авиастроение, аэрокосмическая отрасль, оборонная промышленность; потребительский сектор; морские перевозки). (При этом в докладе признается, что «экстралегальные» риски в первую очередь волнуют крупные фирмы, тогда как компании поменьше сконцентрированы в большей степени на более насущных (imminent) угрозах [Allianz Commercial, 2024b, p. 48] — для представителей малых компаний данные риски оказываются не настолько значимыми, чтобы удостоиться попадания даже в топ-10.)

Вместе с тем неполитические риски, которые в 2022 г. упоминались в связке с эскалацией украинского конфликта, потеряли в весе:

- «макроэкономические риски» остались в топ-5, но опустились на 5-е место (а доля респондентов, включивших их в топ-3, снизилась на 6%);
- «энергетический кризис» остался в расширенном перечне рисков, но выпал из топ-10, заняв 11-е место (в число топ-3 рисков его включил лишь каждый 10-й опрошенный).

Однако ознакомление с текстовой частью нового доклада, подготовленного Allianz Commercial по результатам обработки результатов опроса 2023 г., дополняет картину иными красками. Нельзя не заметить, что по прошествии всего лишь одного календарного года количество упоминаний Украины (при сохранении высокой степени интенсивности конфликта и степени его присутствия в информационной повестке) сократилось на порядок — с 31 в 2022 г. до 2 (!) в 2023 г., России — с 17 в 2022 г. до 2(!). При этом оба раза украинский конфликт упоминается исключительно через запятую с эскалацией конфликта на Ближнем Востоке, а также с нарастанием американо-китайских противоречий [Allianz Commercial, 2024a, p. 9, 41], а Россия — вне связи с ним — в числе прочих стран, где в 2024 г. должны пройти выборы, и в контексте зависимости Европы от поставок российского газа.

Несравненно большее внимание в докладе уделено:

- рискам, связанным с обострением палестино-израильского конфликта и сопряженным с ним возможным ростом радикализации отдельных групп населения в регионе;
- атакам хуситов на суда в Красном море и военной операцией против них, начатой США и Великобританией в январе 2024 г., серьезно повлиявшим на мировые грузопотоки;
- эпидемии государственных переворотов в странах Африки южнее Сахары, — событиям, лишенным прямой связи с тем, что происходит вокруг Украины;
- возможным рискам всплеск протестной активности на фоне проведения выборов (в 2024 г. они пройдут в странах, в которых в совокупности проживает 50% населения планеты).

Не имеют отчетливой опосредованной связи с украинским конфликтом и его глобальными последствиями и «легально-правительственные риски», рассматривающиеся в докладе, — ужесточение регулирования инвестиционных и торговых потоков и отдельных высокотехнологичных сфер, таких как искусственный интеллект. Характерно, что представители Allianz Commercial такое ужесточение объясняют усилением государственного вмешательства в экономику на фоне пандемии [Allianz, 2024a, p. 28].

Если же исходить из того, что представленные в текстовой части оценки отражают настроения представителей бизнеса, с которыми Allianz Commercial контактирует на постоянной основе, то из них можно сделать два вывода. С одной стороны, наблюдается снижение внимания деловых кругов к украинскому конфликту как таковому, с

другой – наблюдаемый процесс повышения значимости политических рисков обоих типов, судя по всему, объясняется сопряжением в 2023 г. факторов и событий, никак не связанных с ним. Тот факт, что бизнес реагирует в большей степени на сиюминутные угрозы, причем как всегда – постфактум – и не в полной мере осознает масштаб геополитических трансформаций, ускоренных эскалацией данного конфликта, говорит о том, что о фундаментальных изменениях в восприятии говорить пока преждевременно.

Заключение

Проведенный нами анализ позволяет сделать ряд значимых выводов и, что не менее важно, сформулировать несколько рекомендаций относительно дальнейших исследований с использованием результатов опросов представителей бизнеса, которые могут иметь как общенаучное, так и прикладное значение.

Ключевые выводы

Проведенное исследование позволило в полной мере подтвердить выдвинутую нами рабочую гипотезу. Восприятие бизнесом политических рисков характеризуется постоянным изменением их географии, однако в нем можно выявить и ряд устойчивых паттернов, которые проявляют себя независимо от типа опроса, характерны для большинства секторов и представляются отчасти парадоксальными.

Первый паттерн – объективная недооценка политических рисков в сравнении с другими категориями.

Второй – деприоритизация рисков «экстралегального» происхождения и рисков эскалации межгосударственных конфликтов по отношению к «легально-правительственным» рискам невоенного характера.

Третий – низкая способность бизнеса предугадывать политические риски любого типа, из-за которой его представители фиксируют «регуляторные» шоки или эскалацию конфликтного потенциала внутри государств или между ними постфактум, и несут серьезные (иногда многомиллиардные) потери.

Ни пандемия COVID-19, ни заметное ускорение глобальной турбулентности на фоне специальной военной операции на Украине не привели к радикальному слому указанных паттернов, хотя оба явления были восприняты деловыми кругами как катализаторы глубинных изменений. Вместе с тем мы бы не стали исключать, что эффект специальной военной операции и ее международных последствий проявит себя более рельефно в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Устойчивость выявленных паттернов, с нашей точки зрения, может иметь два объяснения. С одной стороны, возможно, сказывается долговременный дефицит внутрикорпоративных компетенций в области анализа политических рисков и недостаточно широкое привлечение внешней экспертизы, которое не раз отмечалось в источниках. С другой стороны – фактор недопредставленности респондентов из развивающихся стран, которые в целом регулярнее сталкиваются с политическими рисками «экстралегального» происхождения, равно как и рисками эскалации межгосударственных конфликтов, и склонны придавать им большее значение.

Отмечаемая в докладах 2023 г. «мейнстримизация» управления политическими рисками на корпоративном уровне и расширение востребованности специализированных инструментов страхования от такого рода рисков гипотетически может со временем помочь добиться прогресса в мобилизации ресурсов частного сектора на цели международного развития. В то же время в условиях обострения межгосударственного

соперничества большая склонность бизнеса из конкурирующих держав к инвестициям в высокорисковые юрисдикции будет создавать дополнительные узлы напряженности в странах Глобального Юга, так же как и увеличение объемов официального финансирования развития.

Рекомендации для дальнейших исследований

Опыт детального погружения в изучение такого источника, как опросы представителей бизнеса, убеждает в том, что его стоит шире использовать при анализе проблематики политических рисков. Подлинно интересные результаты (в том числе и применительно к исследованиям, посвященным взаимному влиянию политических рисков и практики содействия международному развитию) можно получить именно при обработке серийных опросов. Это потребует актуализации полученных нами результатов спустя определенное время.

Ценность выводов, которые можно получить, применяя такого рода материалы, будет тем больше, чем тщательнее будет «критика источника», включая анализ изменений в составе экспертного пула с точки зрения региональной, страновой и секторальной принадлежности экспертов и размера представляемой ими компании. Чем более подробная информация о пуле респондентов (и компаний, которые они представляют) и используемой организаторами опросов методологии будет содержаться в докладах, тем более интересные выводы смогут делать исследователи.

Одним из самых логичных направлений дальнейшего изучения заявленной проблематики может быть углубленный анализ восприятия отдельных видов риска или всей палитры рисков в отдельном регионе, стране и даже секторе. Успех такого рода работ будет в значительной степени определяться глубиной знаний исследователей о фактическом развитии событий в той или иной точке земного шара и/или отрасли.

Представляется целесообразным масштабирование исследования и сопоставление паттернов и трендов, выявленных нами по опросам представителей бизнеса, с теми тенденциями, которые прослеживаются по более «классическим» источникам – рейтингам политических рисков. Это позволит верифицировать стихийно оформившуюся по итогам исследования гипотезу, что бизнес, в отличие от профильных консультантов, склонен системно недооценивать сигналы, исходящие из внешней среды.

Расширение масштабов использования опросов деловых кругов может иметь не только собственно научное, но и прикладное значение, и более широко применяться в России в предметной проработке актуальных вопросов как внешнеэкономической, так и внешней политики, особенно в условиях их радикальной перестройки. Использование таких источников, впрочем, ни в коем случае не должно подменять собственный анализ политических рисков для внешнеэкономической деятельности, потребность в совершенствовании методик которого сегодня как никогда велика.

Опросы, проводимые зарубежными организациями, безусловно, могут быть полезны для измерения пульса бизнеса. Однако ввиду того, что в последние годы их организаторы перестали опрашивать представителей компаний, работающих в России, не меньшее значение может иметь и запуск российского аналога такого рода опросов, в разработке методики которого может принять участие и экспертное сообщество. Результаты таких опросов могут использоваться в том числе и государственными структурами, банками развития, АО «ЭКСПАР», а также частными компаниями, представляющими инструменты страхования от политических рисков, и способствовать повышению эффективности внешней и внешнеэкономической политики России в новом международном контексте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (References)

Allianz (n.d.) Allianz Risk Barometer. Available at: <https://commercial.allianz.com/news-and-insights/reports/allianz-risk-barometer.html> (accessed 22 February 2024).

Allianz Commercial (2024a) Allianz Risk Barometer 2024. The top business risks for 2024. Available at: <https://commercial.allianz.com/news-and-insights/reports/allianz-risk-barometer.html#download> (accessed 22 February 2024).

Allianz Commercial (2024b) Allianz Risk Barometer. Results appendix 2024. Available at: <https://commercial.allianz.com/content/dam/onemarketing/commercial/commercial/reports/Allianz-Risk-Barometer-2024-Appendix.pdf> (accessed 22 February 2024).

AGCS (2013) Allianz Risk Pulse. Focus: Business Risks. Available at: <https://commercial.allianz.com/content/dam/onemarketing/commercial/commercial/reports/Allianz-Risk-Barometer-2013.pdf> (accessed 22 February 2024).

AGCS (2014) Allianz Risk Barometer on Business Risks 2014. Available at: <https://commercial.allianz.com/content/dam/onemarketing/commercial/commercial/reports/Allianz-Risk-Barometer-2014.pdf> (accessed 22 February 2024).

AGCS (2015) Allianz Risk Barometer. Top Business Risks 2015. Available at: <https://commercial.allianz.com/content/dam/onemarketing/commercial/commercial/reports/Allianz-Risk-Barometer-2015.pdf> (accessed 22 February 2024).

AGCS (2016) Allianz Risk Barometer. Top Business Risks 2016. Available at: <https://commercial.allianz.com/content/dam/onemarketing/commercial/commercial/reports/Allianz-Risk-Barometer-2016.pdf> (accessed 22 February 2024).

AGCS (2021). Allianz Risk Barometer. Identifying the major business risks for 2021. Available at: <https://commercial.allianz.com/content/dam/onemarketing/commercial/commercial/reports/Allianz-Risk-Barometer-2021.pdf> (accessed 22 February 2024).

AGCS (2023a). Allianz Risk Barometer 2023. Identifying the major business risks for 2023. Available at: <https://commercial.allianz.com/content/dam/onemarketing/commercial/commercial/reports/Allianz-Risk-Barometer-2023.pdf> (accessed 22 February 2024).

AGCS (2023b) Allianz Risk Barometer. Results appendix 2023. URL: <https://commercial.allianz.com/content/dam/onemarketing/commercial/commercial/reports/Allianz-Risk-Barometer-2023-Appendix.pdf> (accessed 22 February 2024).

AON (2023) Global Risk Management Survey. Available at: https://www.aon.com/en/insights/reports/global-risk-management-survey/?utm_source=pr&utm_medium=press-release&utm_campaign=b_0_al_nv_all_csl_zz_global_r0&utm_content=r_stl-grms_re (accessed 22 February 2024).

AON (2022) Executive Risk Survey: Making Better Decisions in Uncertain Times. Available at: <https://www.aon.com/insights/reports/2022/c-suite-executive-risk-survey-better-decisions> (accessed 22 February 2024).

Association for Financial Professionals (AFP) (2021) Risk Survey Report: Post Crisis and Preparation for the Future. Available at: <https://www.marshmcclennan.com/content/dam/mmc-web/insights/publications/2021/september/2021%20RSCH%20Risk%20Survey%20highlights.pdf> (accessed 22 February 2024).

Beasley M., Branson B., Pagach D. (2023) An Evolving Risk Landscape: Insights From a Decade of Surveys of Executives and Risk Professionals. *Journal of Risk and Financial Management*, vol. 16, no 1:29. Available at: <https://doi.org/10.3390/jrfm16010029> (accessed 22 February 2024).

Belozyorov S. A., Sokolovskaya E. V. (2023) Kiberriski v usloviyah geopoliticheskikh konfliktov: vyzovy i vozmozhnosti dlja strahovaniya [Cyber Risks in the Framework of Geopolitical Conflicts: Challenges and Opportunities]. *Roľ upravljenja riskami i strahovaniya v obespechenii ustojchivosti obshchestva i jekonomiki. Sbornik trudov XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (E.V. Zlobin, I.B. Kotlovskij (eds)). Moscow. (in Russian)

Bordovskikh A. N. (2020) Politicheskie riski v usloviyah global'nyh vyzovov tradicionnym sistemam gosupravljenija [Political Risks in the Era of Global Challenges to Traditional Governance Structures]. *Analysis and Forecasting: IMEMO Journal*, no 1, pp. 63–73. (in Russian)

- Bordovskikh A. N. (2022) Jekspropriacija v XXI v. – novyj vyzov dlja issledovanij politicheskogo riska [Expropriation in the 21st Century: New Challenge for Political Risk Analysis]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no 1, pp. 298–313. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspropriatsiya-xxi-v-novyj-vyzov-dlja-issledovaniy-politicheskogo-riska> (accessed 22 February 2024). (in Russian)
- Bratersky M. (2010) *Ekonomicheskie instrumenty vneshnej politiki i politicheskie riski* [Economic Instruments of Foreign Policy and Political Risks]. Moscow: HSE Publishing House. (in Russian)
- Cenina E. V. (2021) Issledovanie razvitiya risk-menedzhmenta v rossijskikh kompanijah kak instrumenta usilenija ih konkurentosposobnosti [Research on the Development of Risk Management in Russian Companies as a Tool to Strengthen Their Competitiveness]. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, vol. 11, no 2, pp. 349–62. Available at: <http://doi.org/10.18334/epp.11.2.111584>. (in Russian)
- Deloitte Insights (2021) A Moving Target: Refocusing Risk and Resiliency Amidst Continued Uncertainty. Global Risk Management Survey, 12th edition. Deloitte Insights, 1 February. Available at: https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/articles/US103959_Global-risk-management-survey-12ed/DI_Global-risk-management-survey-12ed.pdf (accessed 22 February 2024).
- Ernst & Young (EY), Institute of International Finance (IIF) (2023) 12th Annual Global Bank Risk Management Survey. Available at: https://www.iif.com/portals/0/Files/content/32370132_ey-iif_global_bank_risk_management_survey_2022_final.pdf (accessed 22 February 2024).
- Fathi K. (2022) Framework: Most Likely and Threatening Challenges in the Twenty-First Century. *Multi-Resilience – Development – Sustainability*, pp. 3–27. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-658-37892-9_1 (accessed 22 February 2024).
- Federation of European Risk Management Associations (FERMA), PricewaterhouseCoopers (2023) European Risk Manager Report. Available at: <https://www.ferma.eu/publication/european-risk-manager-report-2022/> (accessed 22 February 2024).
- Gatzert N., Reichel P. (2022) Awareness of Climate Risks and Opportunities: Empirical Evidence on Determinants and Value From the U.S. and European Insurance Industry. *The Geneva Papers on Risk and Insurance: Issues and Practice*, vol. 47, pp. 5–26. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/s41288-021-00227-5.pdf> (accessed 22 February 2024).
- Goryushina E. M. (2017) Analiz global'nyh politicheskikh riskov: podhody k izucheniju i ocenke vedushhih issledovatel'skikh centrov [The Analysis of Global Political Risks: Approaches to the Study and Assessment by the Leading Research Centres]. *Modern Science and Innovations*, no 2, pp. 248–60. (in Russian)
- Kennedy C. R. (1987) *Political Risk Management: International Lending and Investing Under Environmental Uncertainty*. New York: Quorum Books.
- Larionova M. (2020) Spasti CUR. Ukreplenie partnerstva dlja dostizhenija CUR v postpandemicheskom cifrovom mire [Saving the SDGs? Strengthening Partnership for Achieving SDGs in the Post-Covid-19 Digital World]. *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no 4, pp. 163–88. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-08>. (in Russian)
- Max J. Rudolph, Canadian Institute of Actuaries, Casualty Actuarial Society, Society of Actuaries (2023) 16th Annual Survey of Emerging Risks. Available at: <https://www.casact.org/article/cas-and-soa-release-key-findings-annual-survey-emerging-risks> (accessed 22 February 2024).
- Multilateral Investment Guarantee Agency (MIGA) (2014) Political Risk Survey 2013. World Investment and Political Risk. The International Bank for Reconstruction and Development/The World Bank. pp. 60–79. Available at: <https://miga.org/sites/default/files/archive/Documents/WIPR13.pdf> (accessed 22 February 2024).
- Nebolsina E. V. (2021) U.S. Insurance Market in Response to COVID-19. *Post-COVID Economic Revival*, vol. I (V.S. Osipov (ed.)). Cham: Palgrave Macmillan. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-83561-3_14 (accessed 22 February 2024).
- Nechkin D. A. (2018) Jevoljucija ponjatija «politicheskij risk»: klassicheskie i sovremennye koncepcii [Evolution of Political Risk Concept: Classical and Contemporary Interpretations]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 10, no 4, pp. 109–37. (in Russian)

Oxford Analytica (2021) How are global businesses managing today's political risks? 2021 Survey and Report. A report produced for Willis Towers Watson. Available at: <https://www.wtwco.com/-/media/wtw/insights/2021/03/2021-wtw-political-risk-survey.pdf> (accessed: 21 February 2024).

Oxford Analytica (2022) How are global businesses managing today's political risks? 2022 Survey and Report. A report produced for WTW. Available at: <https://www.wtwco.com/-/media/wtw/insights/2022/03/2022-wtw-political-risk-survey-report.pdf> (accessed: 21 February 2024).

Oxford Analytica (2023) How are global businesses managing today's political risks? 2023 Survey and Report. Produced for WTW. Available at: <https://www.wtwco.com/en-sg/insights/2023/04/2023-political-risk-survey-report> (accessed: 21 February 2024).

PricewaterhouseCoopers (2022) Global Risk Survey: Embracing Risk in the Face of Disruption. Available at: <https://www.pwc.com/us/en/services/consulting/cybersecurity-risk-regulatory/library/global-risk-survey.html> (accessed 22 February 2024).

Protiviti, North Carolina State University's Enterprise Risk Management Initiative (ERMI) (2023) Executive Perspectives on Top Risks for 2024 and a Decade Later. Available at: <https://erm.ncsu.edu/library/article/report-executive-perspectives-on-top-risks-for-and-a-decade-later> (accessed 22 February 2024).

Shilkina A. T., Varakina O. E. (2019) Tendencii razvitija risk-orientirovannogo podhoda v kontekste industrii 4.0 [Trends in the Development of a Risk-Based Approach in the Context of Industry 4.0]. *St Petersburg State Polytechnical University Journal: Economics*, vol. 12, no 1, pp. 9–20. Available at: <http://doi.org/10.18721/JE.12101>. (in Russian)

World Economic Forum (n.d.) The Global Risks Report. Available at: <https://www.weforum.org/global-risks/archive/> (accessed 22 February 2024).

Приложение

Таблица III. Подборка опросов представителей бизнеса о рисках

№ п/п	Основная информация					Состав экспертного пула (по последнему доступному опросу)				
	Организатор опроса/ составитель доклада (в алфавитном порядке)	Тип организации	Расположение штаб-квартиры	Название (на англ. яз.)	Годы выпуска	Число респондентов	Число стран	Число секторов	Региональный охват	
1	Association for Financial Professionals, Marsh & McLennan Insights	Профессиональная ассоциация, страховая компания	США, Великобритания	Risk Survey Report	2019–2023	272	Н. д.	19	АТР, Ближний Восток и Африка, Европа, Латинская Америка, Северная Америка	
2	Allianz Global Corporate & Specialty*	Страховая компания	США	Allianz Risk Barometer	2012–2024	3069	92	24	АТР, Африка и Ближний Восток, Европа, Западное полушарие	
3		Страховая компания	США	Executive Risk Survey	2020–2022	798	7	23	Европа, Северная Америка	
4	AON			Global Risk Management Survey	2007–2023	2842	61	16	АТР, Африка и Ближний Восток, Европа, Латинская Америка, Северная Америка	
5	Canadian Institute of Actuaries, Casualty Actuarial Society, Society of Actuaries	Профессиональные ассоциации	Канада, США, США	Emerging Risk Survey	2008–2023	153	Н. д.	Н. д.	Азия, Африка, Ближний Восток, Европа, Северная Америка, Южная Америка	
6	Deloitte Insights	Консалтинговая компания	США	Global Risk Management Survey	2006–2021	57	Н. д.	6	АТР, Европа, Северная Америка	
7	Ernst & Young, Institute of International Finance	Консалтинговая компания, профессиональная ассоциация	США, США	Global Bank Risk Management Survey	2011–2023	88	30	1	АТР, Африка и Ближний Восток, Европа, Латинская Америка, Северная Америка	
8	Federation of European Risk Management Associations, PricewaterhouseCoopers	Профессиональная ассоциация, консалтинговая компания	ЕС, США	European Risk Manager Report	2002–2023	764	34	4	Западная Европа, Северная Европа, Центральная и Восточная Европа	

№ п/п	Основная информация					Состав экспертного пула (по последнему доступному опросу)				
	Организатор опроса/ составитель доклада (в алфавитном порядке)	Тип организации	Расположение штаб-квартиры	Название (на англ. яз.)	Годы выпуска	Число респондентов	Число стран	Число секторов	Региональный охват	
9	Multilateral Investment Guarantee Agency, Economist Intelligence Unit	Международная организация, консалтинговая компания	США, Великобритания	Political Risk Survey	2010–2014	459	51	28	АТР, Ближний Восток и Африка, Восточная Европа, Западная Европа, Латинская Америка, Северная Америка	
10	PricewaterhouseCoopers	Консалтинговая компания	США	Global Risk Survey	2022	3584	Н. д.	12	АТР, Африка, Ближний Восток, Западная Европа, Центральная и Восточная Европа, Латинская Америка, Северная Америка	
11	Willis Towers Watson, Oxford Analytica	Страховая компания, консалтинговая компания	США, Великобритания	Political Risk Survey	2017–2023	50	Н. д.	9	АТР, Африка южнее Сахары, Ближний Восток, Западная Европа, Центральная и Восточная Европа, Латинская Америка, Северная Америка	
12	Protiviti, North Carolina State University's Enterprise Risk Management Initiative	Консалтинговая компания, университет	США, США	Executive Perspectives on Top Risks	2013–2023	1143	Н. д.	7	Австралия/Новая Зеландия, Азия, Африка, Ближний Восток, Европа, Индия, Латинская Америка, Северная Америка	
Средние показатели						1049	46	13		

Источник: составлено авторами.

Примечание. Доклад 2024 г. опубликован под брендом Allianz Commercial.

Таблица П2. Рейтинги рисков, представленные в докладах «Барометр рисков» от Allianz за 2012–2024 гг.

№ п/п	Название риска	Место в рейтинге и доля от общего числа респондентов, п/п (%)														
		2024	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012		
1	Киберинциденты	1(36)	1(34)	1(44)	3(40)	1(39)	2(37)	2(40)	3(30)	3(28)	5(17)	8(12)	15(6)			
2	Сбои в бизнес-процессах (в том числе нарушение цепочек поставок)	2(34)	2(34)	2(42)	1(41)	2(37)	1(37)	1(42)	1(37)	1(38)	1(46)	1(43)	1(46)	2(14)		
3	Стихийные бедствия	3(26)	6(17)	3(25)	6(17)	4(21)	3(28)	3(30)	4(24)	4(24)	2(30)	2(33)	2(44)	3(9)		
4	Законодательные и регуляторные изменения	4(19)	5(19)	5(19)	5(19)	3(27)	4(27)	5(21)	5(24)	5(24)	4(18)	4(21)	4(17)	4(7)		
5	Макроэкономические изменения	5(19)	3(25)	10(11)	8(13)	10(11)	13(8)	11(9)	6(22)	6(22)	7(15)	5(19)	8(12)	1(21)		
6	Пожары, взрывы	6(19)	9(13)	7(17)	7(16)	6(20)	6(19)	6(20)	7(16)	8(16)	3(27)	3(24)	3(31)	10(3)		
7	Изменение климата	7(18)	7(14)	6(17)	9(13)	7(17)	8(13)	10(10)	14(6)	16(4)	15(6)	23(3)	22(2)			
8	Политические риски и насилие	8(14)	10(11)	13(9)	10(11)	11(9)	11(9)	9(11)	8(14)	9(11)	9(11)	18(4)	17(5)			
9	Рыночные изменения	9(13)	11(11)	8(15)	4(19)	5(21)	5(23)	4(22)	2(31)	2(34)	8(13)	7(14)	5(17)	6(5)		
10	Нехватка квалифицированной рабочей силы	10(12)	8(14)	9(13)	13(8)	12(9)	10(9)	15(6)	15(6)	13(8)	13(7)	16(6)	16(6)	8(3)		
11	Энергетический кризис	11(12)	4(22)													
12	Внедрение новых технологий	12(9)	14(6)	12(9)	11(9)	9(13)	7(19)	7(15)	10(12)	11(10)	19(3)	14(7)	13(8)			
13	Отключения или сбои в работе объектов критически важной инфраструктуры	13(8)	12(7)	14(9)	15(5)	13(8)	17(2)	16(3)	18(2)	17(3)	22(2)	19(3)	21(3)			
14	Воровство, мошенничество, коррупция	14(7)	15(6)	16(5)	14(7)	15(7)	15(7)	12(9)	11(9)	10(11)	10(9)	9(10)	11(9)			
15	Ухудшение репутации или ценности бренда	15(6)	16(4)	11(10)	12(9)	8(15)	9(13)	8(13)	9(13)	7(18)	6(16)	6(15)	10(10)	5(6)		
16	Экологические риски	16(5)	19(2)	17(4)	17(5)	16(7)	14(7)	14(6)	17(5)	15(5)	18(4)	17(5)	20(3)	9(3)		
17	Неплатежеспособность	17(5)	17(4)													
17	Отзыв продукции, ошибки в управлении качеством, серьезные дефекты	17(5)	18(3)	15(6)	16(5)	14(8)	12(9)	13(8)	13(8)							
19	Вспышки пандемий	19(4)	13(6)	4(22)	2(40)	17(3)	16(3)	17(2)	19(1)	19(1)	23(2)	20(3)	19(3)			

Источник: составлено авторами.

Примечания.

Перечень рисков ранжирован по рейтингу 2024 г.

% – Доля респондентов, включивших данный риск в личный топ-3.

Таблица ПЗ. Случаи попадания политических рисков различного типа в глобальный топ-10 самых значимых рисков для бизнеса, по результатам опросов «Барометр рисков» от Allianz за 2011–2023 гг. (прогнозные годы 2012–2024)

Год	Европа				Западное полушарие				Азиатско-Тихоокеанский регион				Африка и Ближний Восток			
	P1		P2		P1		P2		P1		P2		P1		P2	
	Место	%	Место	%	Место	%	Место	%	Место	%	Место	%	Место	%	Место	%
2024	4	21	10	15	7	15	9	13	6	17	10	11	5	21	7	17
2023	5	20	10	13	9	13	10	10	4	24	9	12	5	19	6	18
2022	6	20	–	–	9	12	–	–	5	22	–	–	5	22	4	23
2021	4	22	–	–	7	13	–	–	5	22	–	–	6	17	4	19
2020	3	33	–	–	5	22	–	–	5	22	10	9	3	27	9	17
2019	3	36	–	–	6	19	–	–	4	23	–	–	4	26	2	30
2018	3	27	–	–	6	17	–	–	6	18	–	–	7	21	3	28
2017	4	28	–	–	5	19	–	–	7	17	–	–	4	26	3	31
2016	4	39	10	17	5	28	–	–	7	25	10	12	3	32	7	27
2015	4	20	8	13	5	17	–	–	9	10	–	–	4	20	8	13
2014	5	22	–	–	5	15	–	–	4	22	–	–	5	22	–	–
2013	4	16	–	–	5	23	–	–	–	–	–	–	4	16	–	–
2011	4	–	–	–	4	–	–	–	5	–	4	–	–	–	–	–

Источник: составлено авторами.

Примечания.

P1 – невоенные риски «легально-правительственного» происхождения, обозначаемые в докладах Allianz категорией «законодательные и регуляторные изменения».

P2 – риски «экстралегального» происхождения и риски эскалации межгосударственных конфликтов, обозначаемые в докладах Allianz категорией «политические риски и насилие».

Место – место риска в общем рейтинге рисков, сформированном по итогам обработки ответов респондентов из соответствующего региона – в случае его попадания в топ-10.

% – доля респондентов, включивших данный риск в личный топ-3.

Таблица П4. Рейтинги ключевых политических рисков, по данным докладов Oxford Analytica для WTW за 2018–2023 гг.

№ п/п	Топ-10 рисков в 2023 г. (апрель 2023 г.)	Топ-10 рисков 2022 г. (март 2022 г.)	Топ-10 рисков в 2021 г. (март 2021 г.)	Топ-10 рисков в 2020 г. (декабрь 2019 г.)	Ключевые риски в 2019 г. (сентябрь 2018 г.)
1	Сложности, связанные с украинским конфликтом и его эскалацией (13; 72%)	Декаплинг с Китаем (14; 93%)	Противостояние Запада и Китая (10; 71%)	Американо-китайское стратегическое соперничество (5; 50%)	Протекционизм и торговые войны (3; 30%)
2	Декаплинг с Китаем (12; 68%)	Кибератаки, организуемые государствами (10; 67%)	Шоки, связанные с реализацией ESG-повестки (8; 57%)	Региональная нестабильность на Ближнем Востоке (5; 50%)	Кризисы на формирующихся рынках (3; 30%)
3	Кризис в Европе / изменение правил ЕС (10; 56%)	Кризис американской демократии (10; 67%)	Неопределенность в отношении глобальной роли США (7; 50%)	Популизм и национализм (5; 50%)	Санкционная политика США (3; 30%)
4	Экономический национализм (7; 39%)	Экономический национализм (8; 53%)	Конфликт на Ближнем Востоке (6; 43%)	Шоки, связанные с реализацией ESG-повестки (5; 50%)	Популизм и национализм (2; 20%)
5	Ужесточение ESG-повестки (6; 33%)	Нестабильность в АТР (8; 53%)	Вепонизация экономических отношений (6; 43%)	Кризис, связанный с мигрантами и беженцами (4; 40%)	Региональные противоречия на Ближнем Востоке (2; 20%)
6	Неопределенность в США (6; 33%)	Пандемические долги (7; 47%)	Долговые и фискальные кризисы (5; 36%)	Дезинтеграция ЕС (4; 40%)	«Ползучая» экспроприация (2; 20%)
7	Социальная нестабильность в развитых странах (5; 28%)	Политические афтершоки, связанные с пандемией COVID-19 (6; 40%)	Нестабильность в России/странах СНГ (5; 36%)	Протекционизм (3; 30%)	Обеспечение преемственности власти в Центральной Азии (1; 10%)
8	Оспариваемые геополитические союзы (4; 22%)	Нестабильность в Латинской Америке (6; 40%)	Политические афтершоки пандемии COVID-19 (5; 36%)	Торговая политика США (3; 30%)	Нестабильность, связанная с возвышением Китая (1; 10%)
9	«Тайваньский вопрос» (4; 22%)	Политические последствия изменения климата (6; 40%)	Экономический национализм (4; 29%)	Нестабильность в Южной Азии (3; 30%)	Волна суверенных дефолтов (1; 10%)
10	Расширение полномочий и сокращение финансовых возможностей правительств (4; 22%)	«Интервенционистские действия РФ» (5; 33%)	Нестабильность в АТР (4; 29%)	Фискальные кризисы на формирующихся рынках (2; 20%)	
«Вне поля зрения»	Политические последствия изменения климата; долговой кризис в развивающихся странах				

Источник: составлено авторами.

Примечание. Цифры в скобках обозначают число респондентов, назвавших данный риск в числе основных, процентные значения — долю ответов от общего числа экспертов, участвовавших в панельных интервью.

Таблица П5. Типы политических рисков, реализация которых привела к финансовым потерям (по данным докладов Oxford Analytica для WTW за 2018–2023 гг.)

Год	Кол-во респондентов	Суверенный дефолт или разрыв контракта		Экспроприация или «ползучая» экспроприация		Политическое насилие или враждебные действия		Торговые санкции или эмбарго на импорт/экспорт		Ограничения на перевод валюты или ее неконвертируемость	
		Место в рейтинге	%	Место в рейтинге	%	Место в рейтинге	%	Место в рейтинге	%	Место в рейтинге	%
2023	46	5	23	4	28	3	50	2	57	1	60
2022	32	4	18	5	21	3	12	2	43	1	52
2021	21	5	29	4	34	2	48	1	53	3	47
2019	28	5	8	4	29	1	54	3	46	2	50
2018	14	5	18	4	25	2	48	3	40	1	58

Источник: составлено авторами.

Примечание. % – доля от общего числа компаний, представители которых в опросе соответствующего года отмечали факт финансовых потерь от политических рисков.

Таблица П6. Влияние пандемии на геополитические тренды, согласно докладу Oxford Analytica для WTW за 2022 г.

Тренд	Значительное ослабление, %	Ослабление, %	Усиление, %	Значительное усиление, %	Отсутствие четкой тенденции, %
Усиление геостратегического соперничества (в том числе между США, Китаем и Россией)	–	–	52	38	5
Усиление экономического декаплинга между Китаем и Западом	–	5	67	12	17
Рост экономического национализма и деглобализация	–	5	55	16	25
Усиление политического фокуса на неравенстве	5	2	43	21	29
Усиление частоты и интенсивности протестов/беспорядков/социальных волнений	–	7	59	9	25
Демократизация	–	26	30	12	33
Активизация популистской политики	–	25	30	11	32

Источник: Oxford Analytica, 2022.

Таблица П7. Страны, где респонденты опросов Oxford Analytica для WTW за 2018–2023 гг. понесли потери в результате реализации политических рисков

2023 г.	2022 г.	2021 г.	2019 г.	2018 г.
Россия (7)	Аргентина (5)	Египет (5)	Иран (4)	Россия (4)
Китай (7)	Китай (5)	Россия (5)	Венесуэла (4)	Вьетнам (3)
Индия (7)	США (5)	Аргентина (3)	Зимбабве (4)	Египет (2)
Бразилия(7)	Нигерия (5)	Индия (3)	Ангола (3)	Индия (2)
Великобритания (6)	Венесуэла (5)	Венесуэла (3)	Россия (2)	Колумбия (2)
Саудовская Аравия (5)	Великобритания (4)	США (3)	Китай (2)	Гана (2)
Украина (4)	Россия (3)		Индонезия (2)	Йемен (2)
Франция (4)	ЕС (3)		Египет (2)	Танзания (2)
Италия (4)	Турция (3)		Ливия (2)	ДРК (2)
ОАЭ (4)	Саудовская Аравия (2)		Аргентина, Гана, Нигерия, Танзания (2)	Венесуэла, Габон, Индонезия, Ирак, Иран, Кипр, Китай, Никарагуа, ЮАР (1)

Источник: составлено авторами.

Примечание. Числовые значения в скобках обозначают число упоминаний данной страны респондентами.

Таблица П8. Политические риски, вызывающие у бизнеса наибольшую обеспокоенность (согласно докладу «Барометр рисков» от Allianz за 2022 г.)

Тип риска	Доля респондентов, %
Война	47
Смена правительства, регуляторные изменения	46
Восстания, государственные перевороты	39
Кибервойна	38
Террористические акты	31
Забастовки/протесты	30

Источник: AGCS, 2023а.

Таблица П9. Влияние украинского конфликта на характер оцениваемых рисков
(по данным доклада Oxford Analytica для WTW за 2023 г.)

Местоположение штаб-квартиры компании	Финансовое воздействие	
	Негативное, %	Позитивное, %
Западная Европа	87	0
Африка	85	15
Ближний Восток	72	27
Латинская Америка	50	25
Азиатско-Тихоокеанский регион	50	24
Центральная и Восточная Европа	43	0
Северная Америка	33	50
<i>В целом по миру</i>	<i>60</i>	<i>20</i>

Источник: Oxford Analytica, 2023.

Constants and Variables in International Business' Political Risk Assessment (2010–2020s)¹

V. Bartenev, A. Mendagaziev

Vladimir Bartenev – Candidate of Historical Sciences (PhD in History), Leading Research Fellow, Institute for Advanced Strategic Studies, HSE University; 20 Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russia; vbartenev@hse.ru

Arman Mendagaziev – Intern Researcher, Institute for Advanced Strategic Studies, HSE University; 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, 101000, Russia; amendagaziev@hse.ru; ORCID: 0009-0000-6920-2426

Abstract

About a decade ago, the global community came to the realization that progress toward sustainable development would depend largely on the successful mobilization of private capital. However, business has not yet proved willing to assume the leading role – especially in fragile contexts – largely due to increased political risks.

This article identifies constants and variables in business' assessments of political risks over the 2010–20s based on selected serial reports summarizing the results of annual surveys of business representatives – Risk Barometer, by a global insurance company, Allianz, and How Leading Companies Are Managing Current Political Risks, produced by Oxford Analytica for Willis, Tower & Watson (WTW).

The article first examines long-term patterns and trends in business perceptions that manifested throughout the 2010s. The article then studies the impact that the COVID-19 pandemic and the increased global turbulence following Russia's special military operation in Ukraine in February 2022 had on these patterns.

The research confirms the hypothesis about the existence of “constants” in the perception of political risks, despite the volatile changes in their geography, and identifies three consistent, yet paradoxical patterns: first, the clear underestimation of political risks in comparison with other risk categories; second, deprioritization of extra-legal risks and risks of escalation of interstate conflicts over non-military legal-governmental risks; and third, business' limited ability to foresee the most significant political risks of any type. Neither the COVID-19 pandemic nor the escalation of conflict in Ukraine have reversed these patterns. This can be explained by the lack of in-house experience and insufficient use of external expertise in political risk assessment, as well as by an overrepresentation of developed countries (and underrepresentation of the developing world) in expert pools. Improvements in political risk management and a broader use of political risk insurance (and guarantees) might increase the effectiveness of private sector resource mobilization for international development. However, in a much more competitive global environment, a higher propensity of companies from the competing powers to invest in high-risk jurisdictions would create additional zones of tension in the Global South – in the same way as do the official development finance flows.

The article concludes by suggesting various possibilities of scaling-up fundamental and applied research in political risks (including their complex interactions with international development policies) based on regular business risk surveys to get results of high importance for Russia's current foreign and foreign economic policies.

Keywords: political risks, international business, development finance, survey, political violence, conflicts, pandemics

Acknowledgements: this research has been conducted with a financial support from the Russian Science Foundation, project No 23-28-01060, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01060/>.

For citation: Bartenev V., Mendagaziev A. (2024) Constants and Variables in International Business' Political Risk Assessment (2010–2020s). *International Organisations Research Journal*, vol. 19, no 1, pp. 55–84 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2024-01-03.

¹ This article was submitted 09.11.2023.